

Татьяна Ивановна Кобякова

Уфимский государственный нефтяной технический университет, кандидат педагогических наук, доцент,
доцент кафедры иностранных языков, Уфа, Россия
e-mail: k0byakova.t@yandex.com

Елена Владимировна Леготина

Уфимский университет науки и технологий, кандидат филологических наук,
доцент кафедры русской, зарубежной литературы и издательского дела, Уфа, Россия
e-mail: legotina01@mail.ru

Контрастность стиля «Жития протопопа Аввакума»: особенности употребления бранной лексики

Аннотация. В статье исследуются особенности стиля гениального писателя русского Средневековья протопопа Аввакума, в частности одна из характерных особенностей — контрастность стиля. Эта черта проявляется в совмещении возвышенной, торжественной лексики с просторечиями, разговорными словами и подчас нецензурными выражениями. Бранная лексика — это часть поведения протопопа в жизни и вместе с тем средство художественной выразительности, свидетельствующее об отказе от литературных канонов времени и общепринятых норм русского литературного языка с целью воздействия на собеседника, убеждения своих противников, донесения до слушателя самых важных и принципиальных идей, пусть высказанных невероятно эмоционально и темпераментно. Нами была проанализирована бранная лексика «Жития протопопа Аввакума», проведена ее систематизация, в результате чего были выделены характерные пласты словарного состава языка «Жития» Аввакума (просторечная бранная лексика, обценная лексика).

Ключевые слова: Аввакум, житие, контрастность стиля, бранная лексика, обценная лексика.

Tatiana I. Kobyakova

Ufa State Oil Technical University, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Foreign Languages, Ufa, Russia
e-mail: k0byakova.t@yandex.com

Elena V. Legotina

Ufa University of Science and Technology, Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor of the Department of Russian, Foreign Literature and Publishing, Ufa, Russia
e-mail: legotina01@mail.ru

The Contrasting Style of “The Life of Protopope Avvakum”: Features of the Use of Obscene Language

Abstract. The article examines the features of Protopope Avvakum, a brilliant Russian medieval writer Protopope Avvakum, in particular, one of his characteristic features — the contrasting style. This feature manifests itself in the combination of elevated, solemn vocabulary with colloquialisms, conversational words, and sometimes obscene expressions. Profanity is a part of the protopope's behaviour and, at the same time, it is a means of artistic expression that demonstrates a rejection of the literary canons of the time and the generally accepted norms of the Russian literary language in order to influence the interlocutor, persuade opponents, and convey the most important and fundamental ideas to the listener, even if they are expressed in an incredibly emotional and passionate manner. We analysed and systematised the profanity in the Life of Protopope Avvakum, identifying characteristic layers of the vocabulary of Avvakum's Life (colloquial profanity, obscene language).

Keywords: Avvakum, hagiography, contrasting style, profanity language, obscene language.

© Кобякова Т. И., Леготина Е. В., 2026

Для цитирования: Кобякова Т. И., Леготина Е. В. Контрастность стиля «Жития протопопа Аввакума»: особенности употребления бранной лексики // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2026. № 2 (51). С. 90–94. DOI: 10.36809/2309-9380-2026-51-90-94

Статья доступна на условиях лицензии

Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Введение (Introduction)

Контрастность стиля произведений протопопы Аввакума — одна из отличительных черт его сочинений. В филологических кругах принято считать, что своеобразие элитарной речевой личности, какой вошел в русскую культуру протопоп Аввакум, — это индивидуальный опыт, сложившийся под влиянием традиционного мировоззрения и предполагающий познание самого себя как поступательное возрождение человека через осмысление своих деяний. Такой стилистический подход при изложении своей точки зрения, прежде всего, указывает на убежденность Аввакума в своей правоте.

Одна из основных особенностей «Жития протопопы Аввакума» — употребление просторечий для создания осознанных переходов от эмоционально возвышенной, пафосной интонации к экспрессивно окрашенной разговорной речи. Бранная лексика в данном случае рассматривается нами как средство художественной выразительности, используемое речевой личностью в русском лингвокультурологическом пространстве.

Объект исследования — памятник древнерусской литературы «Житие протопопы Аввакума». *Предмет исследования* — лексика со сниженной стилистической окраской, которая является одним из компонентов контрастного стиля в сочинениях протопопы.

Актуальность настоящего исследования заключается в систематизации и описании значимых (ключевых) слов с оттенком грубоватости и фамильярности, образующих смысловую и символический фон в тексте «Жития». Актуальность работы обусловлена необходимостью тщательного изучения семантического состава памятников древнерусской литературы как прецедентных текстов, в которых отражено мировоззрение языковой личности как представителя русской культуры.

Методы (Methods)

Перечислим основные методы исследования: 1) метод сплошной выборки; 2) выборочный метод; 3) описательный метод; 4) метод компонентного анализа. Названные методы позволили авторам произвести выборку просторечий и обценной лексики, которые, наряду со старославянизмами, являются компонентами контрастного стиля художественно-концептуального текста, каким является «Житие». В работе предпринята попытка систематизировать их на лексико-семантические группы для дальнейшего описания как эмоционально-экспрессивных языковых единиц.

Литературный обзор (Literature Review)

Теоретико-научная база включает научные исследования жанрово-стилистического своеобразие «Жития протопопы Аввакума». Особо значимы работы ученых, в которых творчество Аввакума раскрывает противостояние личности социальным процессам, что, в свою очередь, объясняет жанровую эклектичность формы «Жития». Многоаспектность его жанров тщательно разработана в работах лингвистов XX в. В. В. Виноградов считает, что это, с одной стороны, ненавязчивая беседа, «вяканье», с другой — торжественная проповедь [1, с. 208]; В. Е. Гусев определяет его

как переход от религиозно-дидактической эпической литературы в жанр нравоучительного бытового романа [2, с. 202]; Н. К. Гудзий — как автобиографическое [3, с. 482]; Н. С. Демкова — как «апостольское» [4, с. 271] послание; Н. В. Понько — как духовное завещание [5, с. 385]; А. Н. Робинсон — как мемуары [6, с. 71] и др.

Эклектика «Жития» требует от автора отступления от общепринятых норм славянизированного литературного языка. В современной лингвистике существуют разные подходы к определению литературного языка Древней Руси — той эпохи, когда было написано бессмертное «Житие». В настоящем исследовании авторы придерживаются точки зрения Б. А. Успенского, определяющего языковую ситуацию того времени как переход от церковнославянско-русской диглоссии к церковнославянско-русскому двуязычию [7, с. 8], т. е. как взаимодействие церковнославянского и древнерусского языков. Под влиянием данного языкового явления книжный стиль как кодифицированный противопоставлен бытовому просторечию, и вместе с тем не исключается их взаимовлияние друг на друга. Автор «Жития» раскрывается через контрастный стиль как речевая личность, являющаяся одновременно и творцом культуры, и ее частью.

Придерживаясь консервативной точки зрения на происходящие события той эпохи, Аввакум выступает против литературных традиций, а именно отступает от агиографических канонов, что проявляется в смешивании церковнославянизмов с просторечием. По мнению О. А. Горбачевич, именно контраст как «риторическое противопоставление, часто встречающееся в народной паремике и в Ветхом Завете», используется Аввакумом как языковое «оружие» воздействия и на единомышленников, и на идеологических антагонистов [8, с. 22]. Огромную роль здесь играет символ как связующее звено духовного и светского миров. В «Житии» в роли символа рассматривается нами бранная лексика, или вульгаризмы, под которыми мы, вслед за Н. И. Коробкиной [9], В. П. Коровушкиным [10], Т. А. Ломтевой [11], М. Г. Чепорухиной [12], понимаем грубые, бранные слова и выражения, являющиеся компонентами просторечия.

Результаты и обсуждение (Results and Discussion)

Примером контрастного стиля является одно из самых значимых в культурном наследии древнерусской литературы «Житие протопопы Аввакума», которое совмещает смешение не только стилей, но и жанров — это и автобиография протопопы, и обвинительные речи против Никона и его последователей. Реальные и житийные образы рассматриваются нами как лингвосмысловой фон, отражающий, с одной стороны, традиционно аскетическое мировосприятие, а с другой — индивидуальное отношение к канону и вере. Именно лингвосмысловой фон, по мысли В. В. Виноградова, есть не что иное, как «иллюзия семантической двупланности», благодаря которой «образуется “приводная речь” (выражение Аввакума)» [13, с. 371]. Здесь отсутствует литературный канон и нарушается этическая норма, но, главное, есть правда, заключенная в словах и словосочетаниях, используемых протопопом по своему усмотрению.

Проповедь для Аввакума — это мощное словесное оружие в борьбе за истину, вот почему она предстает и как

призыв, и как гневное обвинение не только противников, но и всех провинившихся. Особую эмоционально-экспрессивную окраску придает его сочинениям грубая просторечная лексика (ср.: *носатый и брюхатый кобель, овчьеобразный волк* — о Никоне; *собаки, поганцы, толстобрюхие, душегубцы* — о никонианах; *глупая, безумная, безобразная, сделай шапку, чтоб и рожу ту всю закрыла* — о боярыне Ф. П. Морозовой; *растопырится, что пузырь на воде, выставя рожу на площади, чтобы черницы-ворухи уनियाки любили* — о «Яковлевиче, попенке» и пр.) (здесь и далее цит. по: [14]).

Наряду с бранными словами и словосочетаниями, Аввакум употребляет старославянизмы, что делает его речь, с одной стороны, пафосно авторитетной, с другой — торжественно нравственной (ср.: *благословие, ересь, грехопадение, святитель, благодать* и пр.), часто он прибегает и к библейскому высокопарному слогу (ср.: *Да будет проклят так поющий, с Никоном и костелом римским!; Исполнено зла и проклято измышление это Богом и Святыми!; Мерзко Богу таковое четырехкратное воспевание* и др.). Особенно прослеживается контрастная стилизация в авторской интерпретации последнего стиха послания к евреям апостола Павла (ср.: *само царство небесное валится в рот, больше у Христа-тово остра шепелуга-та* и пр.).

Подобная противоречивость слога, его реалистичная, живая речь, противоречащая агиографическим нормам, связана с мышлением Аввакума, что находит выражение в восприятии протопопом самого себя. А. Н. Робинсон отмечал: «Проще всего нам было бы сказать, что самосознание Аввакума отличалось крайними противоречиями, с одной стороны, он “грешный человек”, “дурак”, “червь”, “грязь худая” и т. п., а с другой — “пророк”. Но для самого автора и его первых читателей противоречия здесь не было. Единственный “грех” Аввакума, как казалось, заключался в его самоуверенности (гордости), и он требовал от себя “не величайся» [14, с. 24].

Смешение церковнославянской лексики с просторечием, ненавязчиво переплетающимся с диалектизмами, делает сочинения протопопы доступными и понятными простым людям, что немаловажно для Аввакума как проповедника. Контрастность стиля помогает ему подчеркнуть свою приверженность к исконно русским традициям, обозначить сознательный идеологический выбор, сделанный им.

Особую роль в сочинениях Аввакума играет бранная лексика, отражающая непримиримую позицию (порой доходящую до сарказма) протопопы по отношению к своим идеологическим противникам. В тексте «Жития» она символична: создает контраст между праведной жизнью самого Аввакума и «греховным» путем всех, кто придерживается иной точки зрения. Нами с помощью сплошной выборки был проведен анализ бранной лексики в «Житии», что позволило систематизировать ее следующим образом.

1. Просторечная **бранная лексика**, используемая для создания реалистичных образов как духовных противников Аввакума, так и его самого.

Ругательство *дурак* (ср.: *жорнов дурака в муку перемелет; уйми дурака тово; дурак-де протопоп-от: и патриархов не почитает; посрами дурака тово; что петь з дура-*

ком делаешь!; дурак (про себя) *бедному, худому человеку*) Аввакум использует в речи пророка с апостолом, что позволяет говорить об эмоционально-экспрессивной свободе его писательской манеры, трижды в адрес бесчеловечного Пашкова, также это слово использовали по отношению к протопопу патриархи на «священном соборе». Отметим, что смелым новатором в литературе своего времени явился Иван Грозный, который, согласно источникам, действительно бранился, в том числе по отношению к зарубежным адресатам. «Брань, включаемая им в свои сочинения, была простым перенесением в литературу его поведения в жизни» [15, с. 197], на основании его произведений можно составить довольно полный список излюбленных ругательств царя, включающий варианты слов *бесовской, собацкий*, что сближает набор ругательств Аввакума и Ивана Грозного. Тем не менее слово *дурак* попадает у Грозного только в послании в Кирилло-Белозерский монастырь.

Ругательства *червь, грязь худая* в отношении человека используются Аввакумом как символы грехопадения, духовного ничтожества и временности земного существования. Ими протопоп клеймит не только противников, но и самого себя (ср.: *А ты су какой святой? Из моря напился, а крошечкою подавился! Только Божиим повелением не робенок от смерти избавил, и ты бы что червь: был, да и нет! А величаешься, грязь худая: а су бесов изгонял, то-се делал, а себе не мог помощи, только бы не робенок!* [14, с. 78]).

Слово *окаянный* (ср.: *а я, окаянной, зделал не так; а я, окаянной, презрев благословение отеческое и приказ; окаянные; да и всегда таки я, окаянной, сердит, дратца лихой; аз же, окаянный, поплакал*) встречается в «Житии» достаточно часто и используется, во-первых, как синоним лексем *проклятый, жалкий* в отношении своих врагов, а во-вторых, для передачи двойственного восприятия самого себя: «я» и грешник, и праведник одновременно. Вот почему неоднократно Аввакум характеризует самого себя этим эпитетом, обличая совершенные им ошибки.

Бранная лексика при интерпретации протопопом ветхозаветного рассказа о возроптавшем на Бога Иове получает новое символическое значение. Так, слово *поганова* Аввакум использует для обозначения всего, что связано с языческой ересью, идолопоклонничеством, противоречащим истинному верованию в Бога (ср.: *рода Авраамля, но поганова колена*). *Блудник*, в понимании протопопы, — это духовно заблудший человек, т. е., с одной стороны, тот, кого обманом заставили отвернуться от истинной веры, с другой — тот, кто сам обманывает. *Идолопоклонник* используется в «Житии» для обличения тех, кто принял нововведения патриарха Никона, а именно *идолопоклонство* перед греческими образами (ср.: *все прадеды идолопоклонники и блудники были*).

Следует отметить, что Аввакум не только резок к своим врагам (ср. *Никон-злодей*), но и не щадит самого себя, нарушившего церковные заповеди или возгордившегося, за что и получившего расплату. Так, за нарушение заповеди *Господни* Аввакум восклицает: *Ох, да только огонь, да мука! Не знаю, как коротать дни. Слабоумием объят и лицемерием, и лежу покрыт есм, братоненавидением и самолюбием одаян, во осуждении всех человек погибаю; Отовсю-*

ду воняю — и душою, и телом; себе уже воняю, зла дела творяще, да иных не соблажняю [14, с. 68].

Эмоционально-экспрессивную окраску имеют часто употребляемые в «Житии» метафорические ругательства, в основе которых лежит наименование животных, такие как собака (аналог — *пес, кобель*), зверь, волк (*волчонки*), свиньи, лисы, козлы (ср.: *яко пес, лает; грызлися, что собаки, со мною власти; овчьеобразный волк; я-таки, что собака, так и ем; иноземцы, что собаки, завыли; их, пестрообразных зверей, обличал; рыкнул на него, яко зверь; а человек, суете который уподобится... скачет, яко козел; собаки они, вражьи дети; сидят, что лисы; Никон, волк; наши, что волчонки, вскоча завыли и блевать стали на отцов своих; Хорошо мне жить с собаками и со свиньями в конурах, так же и оне воняют. Да псы и свиньи по естеству, а я чрез естество воняю, яко пес мертвой, повержен на улице града* [14, с. 68]). Метафорические переносы помогают автору выразить эмоциональное отношение к происходящему в русской церкви, создать незабываемые образы, в том числе и самого себя.

Контрастную стилизацию «Житию» придает бранная лексика, связанная с существами славянской мифологии. Отметим, прежде всего, частотное ругательство *бес* в «Житии» (ср.: *научением бесовским вертится; что бес; взбесился; явно в нем бес действовал; начал скакать и плясать, и бесов призывать, крича много; и беси сказали; злобесовное мудрование; я отрицаюся, что от бесов, а они лезут в глаза; лукавует, яко бес*). Причем о бесах говорится как о реально действующих существах. Так, Аввакум рассказывает о лошади, которую в конюшне стали *беси мучить*; протопоп недоумевал, *коя ради вины бес озлобляет нас так*; повествует о брате Евфимии, кричавшем и вопившем (*от бесов бысть поражен; понеже беси жестоко мучиша его; и бес еще не слушает, пуци мучит брата; бес же скорчил в кольцо брата и пружався, изыде и сел на окошке* [14, с. 67]). Аввакум рассказывает также об избавлении от бесов *бешаных* Кирилушки, Филиппа, Феодора, двух Василиев, о молодой вдове Евфимии, которой овладел бес, девице Анне, на которую тоже напал бес.

Протопоп признается, что его самого *бес пуживал сице*, вспоминая рассказ о мертвеце, когда он *попом был*, часто используя в повествовании выражения *бесовское действо*, *бесовская игрушка*, *бесовское ухищрение*. Встречается эпизод о приходе в келью Аввакума *бесова полка*, один, «щербатый», завернул ему голову, в другую ночь *бесов полк начаша играти в гутки и в домры*, как-то бес, зайдя к Аввакуму, походил, *только чотки из рук моих вышиб и исчезе*. На протопопу бес *вскричал зело жестоко больно*. Когда Аввакум заснул, на него *нападоша беси и паки умучиша*. Автор «Жития» восклицает: *Виждь, человеце, каково лепко бесовское действо христианом!*

Думается, присутствие бесов, искушающих святого, — неизменная и характерная часть житийных сказаний: согласно житийной традиции бесы старались искусить пустынных праведников, и Аввакум как бы соотносит себя со святыми старцами, стараясь внушить мысль о правомерности связи с ними. И в то же время несомненна уверенность Аввакума в присутствии бесов в жизни человека, стрем-

лении нечистой силы искусить людей и самого протопопу. Отсюда и образ *черта (чорта)*, который пытается толкнуть Аввакума на ложный путь, противоречащий его истинным духовным убеждениям. Ругательство *черт* в этом житийном контексте — символическая метафора, отражающая внутреннюю борьбу человека за истинную веру (ср.: *А о последнем антихристе не блазнитесь, — еще он, последний чорт, не бывал: нынешния бояре ево комнатныя, ближния* [14, с. 81]).

Бранная лексика основана и на эмоциональном переосмыслении Аввакумом библеизмов. Прежде всего это часто употребляемое ругательство *дьявол* (ср.: *дьявол, клятвою лукавою; (дело) дьявольское; дьяволу волю творят; яко ожесточил дьявол сердце ея; пророчество дьявольское; тут было моя душа возжелала, да дьявол не пустил; супостат дьявол хочет царство твое проглотить; нашел дьявол и велел задавить; дьявол около темниц наших бодро зело ходит; Никон, волк, со дьяволом; Никон-отступник со дьяволом; дьявол ссорил ни за што; везде от дьявола житья нет; Иван Богослов — зверь*). Присутствие в «Житии» данной лексики, связанной с наименованием библейского мифологического персонажа, олицетворяющего в христианском вероучении силы зла, одной из важнейших функций которого является владычество над подземным миром, адом, где мучаются души грешников, в Евангелии искусителя Иисуса Христа, вполне закономерно. В христианской традиции слуги и шпионы дьявола представлены бесами. Демонологические мотивы присутствуют в «Житии», поскольку его автор пытался следовать строгой агиографической традиции, а бесы являлись неотъемлемой частью житийного шаблона. К тому же происки дьявола связаны с непосредственными лишениями в жизни самого протопопу (*дьявол нашел и велел задавить храброго воина Христова Феодора*; рассказывая о заключении в Андроньевом монастыре, как его за волосы *драли, под бока толкали, в глаза плевали*, Аввакум говорит, что *не их то дело, но дьявольское* [14, с. 37]).

Змий и *антихрист* — ругательства-синонимы, используемые протопопом в отношении своих противников. В контексте библейских образов они символизируют зло, поэтому Аввакум употребляет их для реалистичного изображения никониан (ср.: *змий, лживый пророк; новый адоев пес выскочил из безны — об Иване Богослове; ...змий, зверь и лже-пророк. Всяк, тремя персты знаменяся, не может разумети истины, омрачает бо у такового дух противный ум и сердце его* [14, с. 80]; *...змий велик зело, пестр и страшен видением; слуги антихриста — о реформах Никона; шиш антихристов — о секретаре и доверенном лице царя Дементии Башмакове*).

2. Особое место в «Житии» среди просторечий занимает *обценная лексика* (ср.: *блядин сын; аще ли без наказания приобщается ему, то выблядки, а не сынове есте; римскую ту блядь посрамил в них; выблядок того же римского костела, брат Никону патриарху!; другой фарисей, погибельный сын, з говенною рожею; тошнее мне были земляные тюрьмы: где сижу и ем, тут и ветхая вся срание и сцанье* [14, с. 56]; *на двор срать провожали; и мняся нечто быти, а кал и гной есм, окаянной, — прямое говно;*

блудня; многие борьбы блудныя бывали; все прадеды идопоклонники и блудники были). Аввакум допускает грубые и резкие выражения по отношению к Никону и никонианам, он эмоционально и экспрессивно реагирует на действия идейных противников, темперамент проповедника проявляется в отсутствии высокопарности, включении бранной лексики в агиографический жанр. Использование брани, грубого юмора придает произведению определенный комично-саркастичный эффект: часть нецензурных слов Аввакум использует по отношению к фактам собственной биографии. И делает это сознательно, чтобы устранить семантическое противоречие между книжной и разговорно-просторечной лексикой, интерпретируя библейские цитаты сквозь призму своего мировидения. Отсюда — библейские рассказы получают дополнительный иносказательный, контрастный смысл.

Таким образом, контрастный стиль «Жития», наряду с церковнославянизмами, включает бранную лексику (просторечие, вульгаризмы, обценная лексика), с помощью которой автор создает колоритные образы, свойственные

эпохе церковных реформ. Контрастный стиль дает Аввакуму возможность открыто выражать идеологию праведника, его святость и обличать пороки других людей.

Заключение (Conclusion)

Сочинения Аввакума резко выбиваются из общего направления литературы того времени, ценность авторской личности в них, да и сама гениальная личность Аввакума, «Петра Великого, только в обратную сторону» [16, с. 117], по словам Н. С. Тихонравова, позволили проникнуть в самую суть древнерусской литературы. Как отмечала А. И. Щербакова, «авторы литературных произведений этого периода начинают обретать собственное лицо, начинают всё активнее противиться сложившейся системе литературных жанров, испытывая потребность высказать собственное мнение, дать свою оценку тем событиям, которые описывают в своем произведении» [17, с. 13]. И не случайно в финале «Жития» Аввакум восклицал: *Ну, старец, моево вякання много веть ты слышал!* [14, с. 81]

1. Виноградов В. В. О задачах стилистики. Наблюдения над стилем «Жития» протопопа Аввакума // Русская речь : сб. ст. / под ред. Л. В. Щербы. Петроград : Изд. фонетич. ин-та практ. изучения языков, 1923. [Ч.] I. С. 195–293.
2. Гусев В. Е. О жанре Жития протопопа Аввакума // Труды отдела древнерусской литературы. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1958. Т. XV. С. 192–202. Электрон. версия. URL: http://lib2.pushkinskijdom.ru/Media/Default/PDF/TODRL/15_tom/Gusev/Gusev.pdf (дата обращения: 22.11.2025).
3. Гудзий Н. К. История русской литературы. М. : Аспект Пресс, 2003. 592 с.
4. Демкова Н. С. О жанровой ориентации автобиографических «Житий» протопопа Аввакума и инок Епифания // Житие протопопа Аввакума. СПб. : Наука, 2019. С. 269–282.
5. Поньрко Н. В. Житие протопопа Аввакума как духовное завещание // Труды Отдела древнерусской литературы. Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1985. Т. 39. С. 379–388. Электрон. версия. URL: <http://odrl.pushkinskijdom.ru/LinkClick.aspx?fileticket=ct5wB4gILpk%3D&tabid=2285> (дата обращения: 22.11.2025).
6. Робинсон А. Н. Жизнеописания Аввакума и Епифания: Исследование и тексты. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1963. 316 с.
7. Успенский Б. А. Краткий очерк истории русского литературного языка (XI–XIX вв.). М. : Гнозис, 1994. 240 с.
8. Горбачевич О. А. О некоторых аспектах субъектной сферы «Жития протопопа Аввакума» // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер. : Филология. Журналистика. 2023. № 4. С. 22–25.
9. Коробкина Н. И. Стилистическая дифференциация современной окказиональной лексики русского языка: вульгаризмы, сленгизмы, жаргонизмы // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. 2017. № 4 (117). С. 108–114.
10. Коровушкин В. П. Основы контрастивной социолектологии : дис. ... д-ра филол. наук. Пятигорск, 2005. 646 с.
11. Ломтева Т. А. Нестандартная лексика в коммуникативно-прагматическом аспекте: на материале языка романов С. Кинга : дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2005. 210 с.
12. Чепорухина М. Г. К разграничению терминов «дисфемизм», «сленг», «вульгаризм» и «инвектива» // Вестн. Самар. ун-та. История, педагогика, филология. 2019. Т. 25, № 4. С. 116–126. DOI: 10.18287/2542-0445-2019-25-4-116-126
13. Виноградов В. В. К изучению стиля протопопа Аввакума, принципов его словоупотребления // Труды отдела древнерусской литературы. М. ; Л. : Акад. наук СССР, 1958. Т. XIV. С. 371–379.
14. Житие Аввакума и другие его сочинения / сост., вступ. ст. и коммент. А. Н. Робинсона. М. : Сов. Россия, 1991. 368 с.
15. Лихачев Д. С. Стиль произведений Грозного и Курбского // Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. М. : Наука, 1993. С. 183–213.
16. Тихонравов Н. С. О напастовании протопопа Аввакума // Летописи русской литературы и древности. М. : Тип. Грачева и комп., 1863. Т. V. С. 113–117. Электрон. версия. URL: https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/1/15/Летописи_русской_литературы_и_древности%2C_издаваемые_Николаем_Тихонравовым_Том_4_1862_-rsl01003418.pdf (дата обращения: 07.12.2025).
17. Щербакова А. И. Рождение и самоутверждение личностных смыслов и ценностей в отечественной культуре XVII века // Фундаментальные прикладные исследования: проблемы и результаты. 2014. № 14. С. 13–18.